

Летние вечера в Глубоком

Это мои странички из дневника той поры, когда мы жили с Юрием Курановым бок-о-бок и на минуту увлеклись спиритизмом. Молодые же ещё, да и деревня, дни долгие. Всем успеешь перезаниматься, и ещё время останется. Действующие лица: Юрий Николаевич (зачинщик), московский церковный художник Владимир Чернышёв, приехавший погостить, и тоже приехавший погостить к Ю. Н. костромской режиссёр Константин Худяков, дочь Юрия Николаевича Марина и Ваш покорный слуга.

Валентин Курбатов. Дневник. – Москва, 2019.

21 июня 1976 года

Началось вчера, а длилось ещё сегодня: дух Александра Пушкина носился над озером. Вечером затеяли спиритический сеанс и, прежде ещё чем вечер пришёл, зубоскалили со всем молодечеством записных атеистов, и, конечно, первой фамилией, пришедшей на ум, был Пушкин, и скорее даже не тот единственный живой, а нарицательный из классического оборота («а кто будет знать – Пушкин?»). Однако уже были расставлены в комнате свечи, и блюдце уже стояло в зрачке всевидящего ока в ресницах алфавита и цифр. И пока там шли последние приготовления, пока рассаживались, мы сидели с костромским режиссёром Худяковым во дворе: радио в соседнем доме причитало, плакало, гордилось Пушкиным в Михайловском (недавно там закончился очередной Пушкинский Праздник поэзии), и гремел «Пророк», и под звёздами в совершенной тьме этот летевший из ночи голос был тревожен и потусторонен.

А когда вошли в комнату, сеанс уже шёл, и вызывали именно его, Пушкина, и он исправно отвечал на прямые и молчаливые вопросы, и блюдечко летало с проворством лицеиста, и, конечно, на мой вопрос, действительно ли он позволил себе сидеть на столе у государя в 25-м году, он, не задумываясь, ответил «да!», смутив меня этой поспешностью и как-то укрепив в убеждении, что это ложь, сочинённая писанием.

А уж тут сыпались вопросы о сроках отъездов, о бирже актёров – кого что занимало. Художник Чернышёв спрашивал, можно ли ему верить старосте храма в Сокольниках, и Пушкин немедленно свидетельствовал в пользу этого доброго человека. Робкий немой вопрос Марины Курановой был пожалован, видать, очень нежелательным ответом, так что у неё сразу вылетел и второй вопрос, уже вслух: «А с кем?» Но Пушкину ничего быстро в ум не приходило, а выдавать этого таинственного «кого-то» ему уж очень не хотелось, и он понёс вздор, кинулся отвлекать внимание, поборанил Юру за какую-то подозрительную просьбу и бережно ответил Худякову, чьи большие пальцы подрагивали на блюдце.

Потом долго прощались, а у меня всё время на уме вертелся вопрос о несчастной тригорской Александрин, о дурном подозрении, но уж, раз простились, нечего было возвращаться.

Вернулся я домой в половине первого, если не позже, и был пожалован последним приветом. Пушкин, похоже, не хотел оставаться один и рад был разделить со мною тёплый вечер: радио, которое по всей стране выключается в 12 часов, шептало у меня диалогом Марины и Самозванца из «Бориса Годунова». Я поспешил выключить репродуктор. Спасибо, Александр Сергеевич, за славный вечер! Спокойной ночи.

22 июня 1976 года

Опять встретили вечер за столом в молчании под скольжение блюдца по столу, под ветреный гул озера. Хозяин Глубокого граф Гейден в ответ на наше приглашение сослался на занятость, А. К. Толстого я смутил интимным вопросом о его графстве, а Л. Н. Толстой отговорился лаем

мешающей ему собаки и сердито ушёл. Остались двое. Первым стал А. П. Чехов, с горечью твердивший, что искусство бессмысленно, что оно не спасёт человека и в конце концов будет уничтожено вовсе за ненадобностью, что сам он Там одинок и хоть видит друзей, но побаивается их, потому что они его не любят. Дар его и Там никому не нужен и обременителен, и в жизни (и Той) нет надежды и смысла, что всё определено человеку заранее, но чашу свою он не может отклонить, и, пока жив, искусство для него имеет смысл и божественно и зачтётся, но Там оно утратит этот спасительный смысл, потому что за теми пределами есть иные пределы, куда человеку остаётся надежда быть призванным.

Вторым позвали А. С. Грина, которого Юрий Николаевич любил. Этот чувствовал себя Там лучше, советовал не забывать Бога и молиться, утверждал, что образы, навещающие нас здесь, обретают Там духовное воплощение, и мы уже не в силах помочь им, даже не в силах уничтожить, они обречены жизни и странствию, как мы обречены любви к ним. Кажется, он тоже печалился, что и Там не все счастливы, что, увы, не всем выпадает по заслугам и, очевидно, ещё и Там долго властны и плутовство, и ложь, и несправедливость. Растроганные его доверчивостью, мы признались, что любим его, на что он с удовольствием заметил, что он тоже любит... себя, потом почему-то счёл нужным добавить, что он не он, а он – Гриневский, и это, очевидно, значило, что ветреный мечтательный реалист с лицом грустного разбойника любит писателя Грина и рад за него. Потом долго и церемонно прощались. Он всё откланивался и всё не хотел уходить от света, от наших размягчённых взглядов, от оживления. Наконец ушёл. С нами осталось смятение...

23 июня 1976 года

Это уже становится наркоманией. Я жду вечера. Я жду этих странных ночных бесед, этого гудящего блюдечка и трепета свечей, из которых то одна, то другая оказываются вдруг задутыми бесшумными ночными мотыльками. Жду, чтобы понять, наконец, это дьявольское, это мучительное томление по разуму, по смыслу ежедневного, вечного человеческого хаоса с его ложью, цинизмом, ненавистью, любовью, самоотвержением, которые увенчаны одинаковым финалом – смертью. Жду, чтобы узнать, каков эпилог этого безумного романа и разрешится ли всё сказочными превращениями страдальцев в молодых красавцев, а негодяев – в смердящих животных. И вот они говорят, что разрешения нет, что мир (Тот свет) столь же бессмыслен и несправедлив, ненавистен к творчеству и истине, а бессмертие здесь не означает радости Там.

Что же, что же всё это значит? И точно ли Тот мир отличен от нашего, точно ли – он Тот, а не этот, и не мы ли – их души, их отражение здесь, их ежедневное платье, которому они могут только сострадать и которому тщетно, как детям, открывать смысл бессмыслицы? Или мы стоим перед своим зеркалом, гигантской сверкающей стеной собственного беспомощного духа, и разбиваемся об эти отражения, не в силах подчиниться Великому Капризу бессмысленного создания, Вечного кольца, которое однажды износится в звёздную пыль без тени воспоминания.

25 июня 1976 года

А ведь был ещё Достоевский! И его странный крик: мне плохо, мне плохо! И его мучения от героев, которые стали Там реальностью, – от Раскольниковых, от Смердяковых и Мармеладовых, которые ищут и не находят развоплощения, не могут вернуться в желанное небытие, и проклинают своего творца, и истязают его. И эта нестерпимая безнадежность вечности, хоть есть ещё за этим Там другое, следующее Там, к которому они готовятся, но и та даль не сулит света. Видно, пришедший в мир однажды уже не может уйти и вынужден узнать, почувствовать, претерпеть неисчерпаемость и жуть вечности, а награда – вот только это мгновение реальности, этот взмах ресниц, именуемый нашей краткой единственной жизнью. Других наград не будет: тут всё.

И может быть, аскетизм, затворничество, истязание себя, монашество действительно награждается Там, награждается тем, что человек втягивается в тьму вечности уже здесь, готовится к бесконечному движению в молчаливо идущей в никуда и никогда не останавливающейся очереди. Ему нечего жалеть здесь, и, ничего не утратив, он приобретает мужество не закричать от ужаса, вступив в этот бесцельный и изнурительный поход, в котором никто не падает, и всегда в состоянии сделать свой, надеюсь бы, последний шаг, но за которым следует другой последний, и так без предела. Не от этого ли мы, наконец, оставили великих стариков в покое? «Сеанс окончен». Конец фильма. Все встанут и выйдут.